

(а это народ), какой интерес будет двигать каждым гражданином, наконец, кто мы (Россия) в этом мире и зачем. Сегодня на эти вопросы не отвечает ни Конституция Российской Федерации, ни федеральные законы, ни одна из 138 действующих федеральных стратегий. Но это ключевые вопросы нравственности и целеполагания. Нет цели – нет роста.

Технологии же всегда вторичны, производны. Они в новом проекте смогут сыграть свою большую роль и могут быть цифровые, сетевые, электронные, квантовые и какие угодно другие, но без обозначения конечной цели они не будут работать на человека и его благосостояние, потому что у людей нет интереса работать и далее на олигархов, которые богатеют при любых кризисах или росте, при любой экономике, как красиво или модно ее ни назови, а граждане только беднеют во всех странах мира, включая Россию.

Элементы такого нового социального проекта появляются во многих публикациях, их описал автор в доктрине национальной консолидации и другие исследователи в разных аспектах: А.В. Олескин (биологические и социальные системы) [7], С.И. Кретов (экономика будущего) [8], С.Д. Бодрунов [9] (новое индустриальное общество) и др.

1. Информация Банка России от 04.09.2017 «Об использовании частных „виртуальных валют“ (криптовалют)» [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Россия».

2. Письмо ФНС России от 22.11.2018 № БС-4-11/22635 «О налогообложении доходов физических лиц» (вместе с письмом Минфина России от 08.11.2018 № 03-04-07/80764) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Россия».

3. Информация Банка России от 27.01.2014 «Об использовании при совершении сделок „виртуальных валют“, в частности биткойн» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Россия».

4. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства РФ, 28 июля 2017 г., № 1632-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Россия».

5. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента РФ, 9 мая 2017 г., № 203. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Россия».

6. Медведев Д.А. Россия-2024: Стратегия социально-экономического развития [Электронный ресурс] // Вопросы экономики. 2018. № 10. С. 5–28. URL: <http://www.vopreco.ru/rus/redaction.files/10-18.pdf> (дата обращения: 16.01.2019).

7. Олескин А.В. Сетевое общество. Необходимость и возможность стратегии построения. Сетевая (ретиккулярная) социально-экономическая формация: квазисоциалистические принципы и меритократия. М. : ЛЕНАНД, 2016. 200 с.

8. Кретов С.И. Шестая часть. Производные социально-экономические отношения политической экономики будущего: «Человек – Человек». Отношения собственности. М. : Добротворение, 2016. 232 с.

9. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : ИНИР им. С.Ю. Витте. 328 с.

УДК 340.12

В.С. Горбань, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук

ПРАВА ЛИЧНОСТИ: ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ТРАКТОВОК

Личность в области права мало изучена. Особенно непросто для научного освоения переход между человеческим, гражданским, личностным в области права. Нельзя, правда, сказать, чтобы этой теме не уделялось внимание вовсе. Напротив, очень многие исследователи обращались и обращаются к теме личности. Однако в действительности нередко речь идет лишь об отдельных оттенках или ракурсах восприятия антропологического начала в праве: то это человек, эволюционирующий в истории, то это носитель и обладатель статусов, например, как римский гражданин, то это человек религиозный или политический (Аристотель), то это человек свободный и равноправный (естественно-правовая доктрина), то это человек психологический (Э.Р. Бирлинг, Л.И. Петражицкий) и социологический (Р. Иеринг, К. Маркс, С.А. Муромцев, Н.М. Коркунов, Г.Ф. Шершеневич, М. Вебер) и т. д. Вся история социогуманитарной мысли, в том числе юридической и политической, свидетельствует о том, что различные этапы истории и культуры систематически приводят к «открытию» нового типа личности. Литературный критик Н.Н. Страхов, анализируя роман И.С. Тургенева «Отцы и дети», в частности тему художественного первооткрытия нигилизма, весьма проникательно писал: «Тургенев совершил решительное открытие: нарисовал тип, которого прежде почти никто не замечал и которого все ясно увидели вдруг вокруг себя» [1]. В своем знаменитом венском докладе «Борьба за право» Р. Иеринг сделал очень сходное открытие – открыл тип личности нравственной, социальной обязанностью которой является отстаивание своего права и его защита от посягательств со стороны произвола, возвысив тем самым субъективное право до атрибута достоинства личности [2]. В значительной степени этим объясняется всемирная популярность этого сочинения, переведенного еще при жизни автора более чем на 20 языков мира и выдержавшего несколько десятков переизданий.

Изменения и перемены, происходящие в современном обществе, подталкивают к неизбежному вопросу о том, что в парадигме современного мышления личность уже не та или не совсем та, какой она была в прежнем обществе. Если, скажем, в еще недавнем прошлом употреблялась формула «советский человек», то это задавало тон оп-

ределенным характеристикам такого типа. В наше время уже какие-то специальные характеристики типа современного человека не имеют определяющего значения. Во всяком случае личность – категория динамическая, которая характеризует исторически и индивидуально постоянно растущего человека. Далеко не все грани этого сложного феномена отражает современная наука.

Права личности определяются словом «право», понятийное содержание которого – краеугольный камень всей юридической мысли от глубокой древности до наших дней. Кантовский пафос о том, что юристы все еще ищут свое определение понятия права, нисколько не утратил актуальности. Разнообразии трактовки права в каждом случае требует уточнения и производных от него, в частности, прав личности, которые лишь как правовое явление имеют определенное, конкретное значение и содержание.

Таким образом, расшифровка понятия «права личности» обусловлена двумя крайне непростыми моментами: с одной стороны, речь идет об установлении наиболее существенных признаков личности, которая находится в процессе постоянного роста и развития, а с другой – о конкретизации понятийного смысла права, значение которого разве что только не для убежденного легиста, сводящего все право к массиву волеустановленных властно-обязательных правил, объективированных в форме официальных актов, может быть прояснено лишь путем кропотливого и глубокого анализа правовых идей и различных форм исторически конкретных политико-правовых практик.

Для понимания пестроты различных подходов к этому вопросу в современной юридической литературе возьмем несколько распространенных сюжетов.

1. В п. 8 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 г. «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» сформулировано «видение» будущего и желаемого образа мира, «в котором обеспечиваются всеобщее уважение к правам человека и человеческому достоинству, верховенство права, справедливость, равенство и недискриминация, уважение к расовому, этническому и культурному разнообразию; мир равных возможностей, позволяющий в полной мере раскрыть человеческий потенциал и способствующий всеобщему процветанию» [3]. Этот акт, конечно же, декларирует высокие и необходимые требования к обеспечению мирного и справедливого порядка жизни на земле, но его практическое осуществление в значительной степени обусловлено политической волей национальных руководителей и не всегда легко конкретизируемым содержанием высоких требований. Так, скажем, в приведенном фрагменте права человека обособлены от человеческого

достоинства, а требования справедливости и равенства выведены за пределы понятия права. Кроме того, слово «уважение», которое определяет отношение к правам человека и прочему, в политико-правовой реальности, вообще-то говоря, очень непросто конкретизируемо. Так, современное уголовное право не знает таких преступлений, суть которых состоит в «неуважении» к правам человека, поскольку для традиционного для уголовных законов стиля изложения запретов «неуважение» представляется как категория морально-нравственного поведения. Если ли же точнее представить себе адресата Резолюции ГА ООН, т. е. государства, то это приводит к тому, что требование морально-нравственного порядка – «уважение» – признается стандартом политики, желаемым вариантом ориентации политической стратегии и практики. Например, в тексте Конституции РФ человек и его права, а также свободы признаются высшей ценностью (ст. 2). Но в тексте Конституции не говорится об «уважении»; используются, в частности, такие термины, как «соблюдение», «признание» и «защита». По смыслу ст. 18 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Из этой нормы можно сделать обратный вывод, что, например, законы государства по «смыслу и содержанию» есть не что иное, как форма конкретизации «прав и свобод человека и гражданина», которые определены, как правовая ценность, стоят выше, чем закон. Так, по крайней мере, буквально сформулировано в Конституции РФ. Идеал, безусловно, высокий, но требует колоссальных усилий по его расшифровке и системному претворению в политико-правовой практике.

Человек детерминирует категорию прав и свобод, они нужны человеку как средство для определенной цели (по аналогии с Р. Иерингом). Но категория прав человека имеет определенный смысл только как категория общежительная, социальная. Если представить человека вне общества, то она лишена всякого смысла. Иными словами, права являются необходимым средством социального существования человека и его позитивного развития. Здесь, очевидно, проявляются два классических юридических момента: положительный и отрицательный. Первый состоит в утверждении, признании прав как «периферии личности» (Р. Иеринг), ее необходимый социальный атрибут. Вторым моментом – отрицательный – состоит в исключении всякого рода препятствий для осуществления, реализации личности, чему должна служить вся система государства, основным принципом организации и деятельности которого является идеал правового государства. Но такая свобода личности в ее реализации оказывается возможной только в неразрывной свя-

зи и логической схеме «личность – общество». Соответственно, права человека являются, по существу, гарантией его социального существования и развития.

Права человека, как и само право, – гарантия против произвола и хаоса (Р. Иеринг, Р. Штаммлер, С.А. Котляревский, В.С. Нерсесянц, С.С. Алексеев и др.). Право и нравственность служат совместно обеспечению социального порядка. В.С. Нерсесянц убедительно настаивал на том, что требования справедливости, формального равенства и свободы являются правовыми [4], что никак не отрицает значения нравственности, но существенно большее значение придает праву, чем в ряде иных трактовок. Приведем такой пример. Согласно российскому законодательству к кандидатам в судьи предъявляются требования, соблюдение которых должно вести к формированию корпуса судей, одним из основных принципов деятельности которых является широко признаваемое требование независимости, выражающее известную с глубокой древности формулу справедливости – богиня правосудия с завязанными глазами. Независимо от каких-либо особенностей конкретной процедуры основной предпосылкой независимости судейского корпуса является логически и фактически необходимая идея равных возможностей при реализации кандидатами в судьи своих притязаний на эту службу. Субъективное право, не выражающее принцип формального равенства, собственно говоря, не право, а привилегия. Ничего специфически правового в таком якобы «праве» нет. Согласно установленной процедуре отбора кандидатов в судьи соискатель должности, соответствующий квалификационным требованиям, обращается в соответствующую квалификационную коллегию судей (ККС) как один из органов судейского сообщества, лишенный по своей задумке административного влияния со стороны руководства суда. После положительного решения ККС материалы дела поступают к председателю краевого, областного суда. Однако по какой-то парадоксальной логике председатель соответствующего суда или по его поручению заместитель присутствует в заседании ККС по кадровым вопросам, высказывает свое мнение и удаляется лишь на этапе голосования по кандидатуре, тем самым произвольно и вопреки законному порядку отбора судей вмешиваясь в «независимый» процесс отбора кандидатов. Ведь материал должен поступить к нему только после положительного решения ККС. Значительная часть членов ККС – это судьи того же суда или судов более низких инстанций того же региона. В такой ситуации логичной практикой является избрание именно того претендента, на которого указал председатель. При этом решения ККС не излагаются в мотивированной форме. Конечно же, это нонсенс, какое бы то ни было мнение или участие председателя какого бы то ни было суда в процес-

се принятия решения независимым органом судейского сообщества. Такая практика пока повсеместно распространена. Равным образом можно было бы представить себе ситуацию, когда судья стоит рядом со следователем, принимающим решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела, и высказывает свое «мнение» о судьбе будущего приговора: «Не бойся! Приговор будет обвинительным». Речь в описанной ситуации идет не о том, что в правовой системе по-прежнему встречаются такого рода парадоксальные ситуации, а о том, что эта ситуация демонстрирует грубое нарушение требования равенства, заключенного в праве претендента на судебную должность, в частности и потакает произволу в попирании самой идеи правового равенства, одной из граней сущности права как такового в целом.

Таким образом, право как необходимая форма общежития человека, устойчивого социального развития и позитивных социальных изменений является не придатком в понятии «права человека», а безусловно значимой формой его социального сосуществования и в связи с этим обеспечения максимально возможного пространства свободы для раскрытия его личных способностей и реализации интересов. Права человека есть проекция самого права, не нечто более высокое, чем само право, а некая его сущностная характеристика; так же как право представляет собой необходимую форму и предпосылку социального порядка, так и права человека, имеющие конкретный смысл только в условиях общежития человека, являются конкретизацией понятия права. Права человека и есть само право, точнее, одна из ее сущностных характеристик, как необходимая форма конкретизации, развития, реализации социальной, общежитийной природы человека наряду с нравственностью. Права человека могут противопоставляться понятию права лишь в легистских концепциях, в которых право сведено к волеустановленному, официально-властному закону. В этом смысле права человека призваны служить неким перечнем критериев оценки закона и носят нравственный характер. В.С. Нерсесянц, размышляя о проблемах юридической аксиологии и, в частности, о том, что «в процессе исторического развития обновляется, обогащается и конкретизируется сам смысл правового должествования», проницательно писал: «Яркой иллюстрацией таких изменений является, например, весьма радикальное развитие и существенное обновление за последнее столетие представлений о правах и свободах человека, их месте и значении в иерархии правовых ценностей, их определяющей роли в процессе *правовой оценки* (курсив наш. – В. Г.) действующего законодательства, деятельности государства и т. д.» [5, с. 12].

2. Личность постоянно растет и развивается. Притом развитие и рост происходят как в связи с раскрытием и обнаружением граней этого социокультурного феномена, так и в связи с появлением новых вызовов, требований и интересов.

В современной литературе широко употребляется название «человек юридический», которое обобщает разные ракурсы: права человека, права гражданина, права личности. Права человека открывают такой ракурс, который показывает связь права с человеком вне каких-либо специальных оговорок, например о религии, политике, морали, нравственности, культуре и т. д., т. е. человек принимается как таковой – он как таковой признается свободным, субъектом права и т. п. В срезе прав гражданина отчетливее просматривается связь человека с его принадлежностью к определенному политическому сообществу или государству, имеющая даже чувствительный национально-патриотический оттенок, что обуславливает духовно-нравственную силу идеи гражданской ответственности. Наконец, права личности нередко демонстрируют некий более высокий идеал социального человека, средства для его самораскрытия и развития. Наряду с глубоко философскими духовно-нравственными обоснованиями личности и ее роли в социальном общении в юридической литературе многократно предпринимаются попытки обнаружить юридическую сущность личности, проявляющуюся в значительной степени к конкретизации комплекса ее прав.

Человек обладает «правовым чувством» (Р. Иеринг), «правовой совестью» (И.А. Ильин), «правовой психикой» (Л.И. Петражицкий), правосознанием и т. п. У И.А. Ильина встречаем также такие определения, как «нормальное правосознание», у Л.И. Петражицкого – «здоровая правовая психика», у Р. Иеринга – «развитое правовое чувство»; у Л.С. Мамута (при анализе взглядов С.А. Муромцева) – человек, «нуждающийся в праве»; у Р. Штамллера – человек, «настойчиво хотящий правильного права»; у В.И. Павлова антропологический взгляд – «человек юридический» [6, с. 171] или более общая тема – «человек юридический с точки зрения вечности» [7]. В этих определениях – «здоровый», «развитый», «нормальный», «настойчиво хотящий» (правильного права), «нуждающийся» в праве, «неравнодушный», «ответственный» и т. п. – читается стремление придать человеку юридическому значению (показать ему эту грань) неравнодушного и ответственного обладателя и пользователя прав. Пафос таких требований и характеристик наиболее концентрированно демонстрирует сочинение Р. Иеринга «Борьба за право». Л.С. Мамут, воспроизводя формулу усвоения правовых взглядов Р. Иеринга в творчестве С.А. Муромцева, продолжил эту тему под заглавием «Право никому не дается даром» [8]. В связи с этим Л.С. Мамут, в частности, подчеркнул: «Вообще нет

людей безразличных, инертных по отношению к тому, чтобы иметь право, т. е. фактическую возможность (легитимированную данной социокультурой) обладать тем или иным благом, совершенно необходимую им для поддержания своей жизни, для самореализации» [8, с. 75]. С одной стороны, речь идет о том, чтобы признавать и гарантировать права (заслуга доктрины естественного права), с другой – не менее важным является, как к ним относятся и как ими пользуются. Р. Иеринг, в частности, писал, что право, и в первую очередь идея о том, что человек как таковой свободен, а потому субъект права является «вечным достоянием человечества», сохранение и приумножение которого является нравственной обязанностью современной и всех последующих поколений. Еще римские юристы сформулировали положение о том, что права могут использоваться с намерением причинить вред другому (злоупотребление). Права человека, как представляется, характеризуют момент *обладания* правами, факт признания и принадлежности; незыблемая гарантия фактических возможностей реализации интересов и потребностей человека, живущего в обществе. Права личности подчеркивают момент *отношения* к правам, их использование, сбережение и сохранение, а в случае необходимости – отстаивания и защиты. При этом права личности показывают такой срез, как непрерывный рост и развитие человека. Отсюда, соответственно, задача приобщения к праву, правовая педагогика (Л.И. Петражицкий), правовая социализация (Р. Иеринг) и т. п. Права человека – это универсальная сущность, которая конкретизируется в динамике прав личности. Довольно неуклюжий вариант использования слова «личность» в законодательных текстах предлагается в ст. 6 УПК РФ, в которой потерпевший называется лицом, а подвергнутый незаконному и необоснованному обвинению – личностью.

В серии многочисленных публикаций, подготовленных в рамках проводимых В.Г. Графским на протяжении уже более 13 лет философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца, многократно поднималась проблема различных вариантов истолкования и прояснения прав личности, тема гражданской ответственности, особенно привлекательна ее разработка в такой версии, как «неравнодушная гражданственность» [9], социологизированный вариант «непрерывно растущего человека» [10] и многие другие.

В современной иностранной литературе проблематика прав личности также далека от какого-то вятого разрешения. В недавнем очередном переиздании известного в Германии сочинения, основанного А. Кауфманом, «Введение в философию права и теорию права современности» [11] содержится «проект личностно фундированной процедурной теории справедливости» А. Кауфмана и попытка представителя более мо-

лодого поколения немецких философов права Д. фон дер Пфурдтена сформулировать концепцию «нормативного индивидуализма» [11, S. 134–141], суть которого в том, что «конечное нормативно-этическое обоснование права находится в соответствующих индивидуумах и их отношениях друг к другу» [11, S. 141].

По мнению А. Кауфмана, обоснование современного понятия справедливости может быть найдено только в человеке. Но имеется в виду «не эмпирический человек, а человек как *личность*, но не в этическом или антропологическом смысле, а в первоначальном логико-онтологическом значении как „роль“, как ансамбль отношений, в которых находится человек по отношению к другим людям и к вещам» [11, S. 133]. «Персональные отношения человека являются тем, что идентифицирует юридический дискурс как таковой, ведь в принципе право может быть легитимировано в любом случае только благодаря тому, *что оно обеспечивает кому-либо ему причитающееся как личности: Suum Iustum* (прежде всего благодаря признанию, в том числе гарантированию прав человека и основных прав)» [11, S. 133]. Наконец, заключал А. Кауфман: «Идея права – это идея личностного человека...» [11, S. 134].

На примере Германии в практическом плане существует множество текущих проблем обеспечения ценности права. Из массы имеющихся исследований весьма примечательна недавняя книга председателя совета судей Германии Й. Гнизы под названием «Конец справедливости. Судья бьет тревогу». Автор этой книги называет более 20 различных системных проблем, суть которых в общем состоит в пренебрежении правом и причинении такого ущерба праву, при котором автор констатирует почти непоправимую деградацию концепции правового государства. «Не только беспомощность, но и непонимание отличают обращение наших политиков с правом, да и вовсе отказ от него. Если оно все же должно быть, то они изгибают его для себя именно так, как они его смогут использовать» [12, S. 12]. «Недостаточная внутренняя безопасность, нарушения права со стороны политики и популистские маневры, когда речь идет об ответственности за граждан этой страны, для меня, – пишет Й. Гниза, – нет сомнений, что основа нашего общественного порядка, правовое государство, находится в опасности» [12, S. 13].

Некоторые соображения относительно проблемы современных трактовок понятия «права личности» призваны показать ее многогранность и отсутствие универсальных решений. При этом уточнение и разъяснение прав личности должны сопровождаться глубоким анализом разных ракурсов и подходов.

1. Страхов Н.Н. Литературная критика. М. : Современник, 1981. 384 с.
2. Jhering R. Der Kampf um's Recht. Wien : Manz, 1872. 100 S.

3. Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года : Резолюция, принятая Генер. Ассамблеей ООН 25 сент. 2015 г. 70/1. // URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R (дата обращения: 12.04.2019).

4. Нерсесянц В.С. Философия права. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2009. 848 с.
5. Нерсесянц В.С. Юридическая аксиология // Политико-правовые ценности: история и современность / под ред. В.С. Нерсесянца. М. : Эдиториал УРСС, 2000. С. 5–30.
6. Павлов В.И. История политических и правовых учений в парадигмальном разнообразии: антропологический подход // Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания : материалы 7-х филос.-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца / отв. ред. В.Г. Графский. М. : Норма, 2013. С. 169–173.
7. Стандарты научности и homo juridicus в свете философии права : материалы 5-х и 6-х филос.-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца / отв. ред.: В.Г. Графский. М. : Норма, 2011. 224 с.
8. Мамут Л.С. Право никому не дается даром // Наш трудный путь к праву : материалы филос.-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца. М. : Норма, 2006. С. 75–85.
9. Графский В.Г. Веха на пути к свободе и неравнодушной гражданственности в России // Право и общество в эпоху перемен : материалы филос.-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца. М. : Ин-т государства и права РАН, 2008. С. 176–187.
10. Графский В.Г. Непрерывно растущий человек и право // Современное государство и личность в историческом и философско-правовом осмыслении : материалы 12-х филос.-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца. М. : Норма, 2018. С. 6–10.
11. Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / herausgegeben von W. Hassemer, U. Neumann, F. Saliger, neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Heidelberg : C.F. Müller, 2016. XXIX, 479 S.
12. Gnisa J. Das Ende der Gerechtigkeit: ein Richter schlägt Alarm. Freiburg im Breisgau : Herder, 2017. 288 S.

УДК 340.114.5

Н.А. Горбатов, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ПРАВА В ПРАВОСОЗНАНИИ ЛИЧНОСТИ

Действие позитивного права, стабильное функционирование правовой системы современного общества в значительной мере зависят от того, насколько адекватно в его правоустановлениях отражены потребности общественного развития и степени соответствия, сбалансированности этих потребностей, объективированных в нормах права, и жизненно важных, социально обоснованных потребностей, интересов, ожиданий людей, возникающих в реальных правовых ситуациях. Такое соответствие или несоответствие обнаруживается и определяется на